

А. Норди

МОРОК

ЗЛОВЕЩАЯ ТАЙНА
ДРЕВНЕГО ЛЕСА

16+

А. Норди

Морок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68013769

SelfPub; 2022

Аннотация

Зоолог Виктор Кантор отправляется в заповедный лес, чтобы выяснить причину загадочной гибели лисиц, но тайна, которая ему откроется, окажется куда более опасной и зловещей.

Леденящая кровь мистическая история «Морок» особенно придется по вкусу любителям творчества Стивена Kingа и Адама Нэвилла.

А. Норди

Морок

Сентябрь разбрызгал багрянец и охру по осеннему лесу. Вековые ели тянулись к сизому небу, клочья тумана повисли в зарослях можжевельника по берегам, воздух застыл над темной рекой. Через мгновение нарастающий рокот нарушил тишину.

На корме надувной лодки, держась за рукоятку мотора, сидел мужчина. Его тусклый взгляд скользил вдоль берегов Лунты, на небритом лице сжались в линию губы, волосы с проседью растрепались на ветру. Одет он был в полевой костюм цвета хаки – из тех, что любят охотники, рыболовы или туристы-походники. Но Виктор Кантор не собирался идти на зверя, ставить сети или сидеть у костра под звездным небом: у него была другая цель.

За изгибом реки показался склон, на котором топорщились ели и пихты. Виктор заглушил мотор, подплыл на веслах и спрыгнул на берег. Чавкая болотными сапогами по влажному песку, Виктор вытащил лодку из воды. Затем выгрузил багаж – плотно набитый объемный рюкзак, сумку с оборудованием, карабин – и по едва заметной тропинке направился в реликтовый заповедник.

Кордон инспекторов заповедника укрылся в глубине древнего леса, в самой глухой и недоступной его части. Дремучие ельники сгрудились неприступной стеной на пути вездеходов, а высокие сосны мешали посадке вертолетов. Единственный путь – лодкой по Лунте, а затем – пешком по тропе. По ней и вышел Виктор к кордону, который построили три десятилетия назад и с тех пор не ремонтировали. За это время деревянные постройки – основной домик, сауна, сарай и дровник – покосились и осунулись, постепенно обрастая компанией из ржавых бочек, канистр и сломанных снегоходов.

Виктор поднялся на крыльцо домика и, повозившись с замком, вошел внутрь. Последний раз он был здесь три года назад, и за это время внутри ничего не изменилось: стол возле окна, двухъярусная кровать со старыми пледами, печка-буржуйка, шкафы и ящики со скарбом.

Виктор сбросил на пол рюкзак, поставил карабин у двери и устало вздохнул: предстояло много работы. Он достал портативную радиостанцию и настроил частоту.

– База, это Виктор Кантор. База, прием! Как слышно?

Из динамика сквозь посвистывания и щелчки прозвучал бодрый голос Антона Берлинга, старшего инспектора заповедника:

– База на связи. Слышно хреново!

Виктор улыбнулся.

– И тебе привет, Антон. Ты мне тут заначку не оставил? А то замерз как собака.

Берлинг громко рассмеялся.

– А ты думал на курорт приехал? Печку топи давай, раз холодно. И долго не возись, сейчас темнеет быстро.

Виктор уселся на скрипучую кровать, провел рукой по пледу: ткань отсырела. В воздухе стоял затхлый запах плесени, по углам висела паутина. Инспекторы и ученые редко заглядывали на кордон, и Виктору предстояла большая работа, чтобы наладить здесь быт.

– С утра я парой слов перекинулся с Капорским, но он мне ничего сообщить не смог. Сказал, что сам недавно вернулся на базу, и все подробности поведаешь ты.

– Да, жалко, что разминулись. – Берлинг вздохнул. – В общем, ситуация у нас такая. Мы отсылали вам в институт рапорты, но они были сухими и ни хрена не отражали ту чертовщину, с которой мы столкнулись в заповеднике.

– Чертовщину?

Виктор пошарил в боковом кармане рюкзака, достал сложенные листы рапорта. Развернул. В глаза бросились фразы, выделенные желтым маркером: «аномальный падеж лиц обыкновенных», «массовый исход животных с территории заповедника», «труднообъяснимый характер поврежденный».

– А как это еще назовешь? – прохрипел из рации голос Берлинга. – Сколько лет работаю, никогда такого не видел.

Первые странности мы заметили в начале июня: лисы стали массово удирать из заповедника. Мы подумали, что им, наверное, еды не хватает. Даже не стали об этом сообщать. Но затем во время вылазок на кордон мои ребята стали находить в лесу трупы лисиц.

– Что с ними случилось?

– В этом вся загвоздка: мы не можем понять, – голос Берлинга помрачнел. – Трупы разложились, их объели другие хищники, и это затруднило экспертизу. У некоторых лисиц мы обнаружили следы борьбы, удушения, переломы позвоночника и других костей – как будто их что-то раздавило. Но непонятно, кто мог это сделать. Тем более в таком масштабе.

– Это могли быть люди? Охотники, например?

– Какие охотники? – проворчал Берлинг. – В заповедник можно пробраться только по Лунте, а реку мы контролируем. Да и зачем охотиться в заповеднике? Лисы – это не ценный редкий зверь. Отойди подальше и стреляй их сколько хочешь.

– Может, медведи шалят? Или новый хищник забрел?

Берлинг хмыкнул:

– Зоолог у нас здесь ты, Виктор. Сам понимаешь, людей в заповеднике не хватает, постоянно держать на кордоне мы никого не можем, а лисы по какой-то причине дохнут. Потому тебя и вызвали, чтоб во всем разобрался.

– Приступлю к работе утром. – Виктор перевел взгляд на сумку с оборудованием. – Я привез навороченные фотоло-

вушки с GSM-модулем и смогу в реальном времени отслеживать ситуацию в лесу. Завтра их расставлю.

– Отлично! – ответил Берлинг, а затем, чуть помолчав, добавил тише и серьезнее: – Ты там это... Будь осторожнее, Виктор.

* * *

День прошел в хлопотах: Виктор завел дизельный генератор, убрался в домике, растопил печь, зарядил ноутбук и аккумуляторы фотоловушек, приготовил нехитрый ужин – макароны с тушенкой.

Как и обещал Берлинг, стемнело быстро. С кружкой горячего чая Виктор вышел на крыльцо и задрал голову. Звезды прожгли черноту небосвода, рассыпались над кордоном, они казались бесконечно далекими и одновременно близкими – как тайна, которую предстояло раскрыть Виктору.

Он поежился от холода и посмотрел в сторону леса. Где-то там, в глубине непролазных ельников, среди полян и оврагов, ручьев и болот, по какой-то неведомой причине гибли лисы. Виктор специализировался в онтогенезе поведения псовых. Большую часть научной деятельности он посвятил изучению волков, но и о лисицах знал достаточно, чтобы помочь инспекторам заповедника разобраться в причинах бегства и гибели зверей.

Виктор вернулся в домик и упал на кровать, тяжело вздох-

нув. Пора расстилать постель и ложиться спать: завтра предстоял насыщенный день. Но вначале...

Он протянул руку к рюкзаку, стоявшему у кровати, и вытащил фотографию в рамке. Со снимка улыбалась белокурая девочка в сиреновом платье. Веснушки на вздернутом носике, щеки с ямочками, хитринка в глазах – именно такой хотел запомнить ее Виктор. Но не мог.

Он убрал фотографию и погасил лампу.

* * *

Ночью его разбудил звук. Виктор уставился в темноту. Возле двери что-то шуршало. На мгновение замолкло, а затем зашелестело по дощатому полу, подбираясь к кровати.

Виктор выпрямился в постели, хватая фонарь. Луч озарил комнату, вычерчивая тени на стенах. На полу развалились рюкзак и сумка – и больше ничего. Виктор обвел фонарем помещение еще раз, но так и не заметил ничего странного. Он поднялся, намереваясь осветить под кроватью, и в это мгновение снаружи домика что-то с бряцаньем упало.

Виктор вышел на крыльцо, держа в одной руке карабин, а в другой – фонарь. Мрак поглотил кордон, спрятал звезды на небе. Виктор, дрожа от холода, шарил лучом по двору, пока не выхватил из тьмы котелок, перевернутый у старого пня. Возле чугунной посуды, нисколько не смущаясь света фонаря, застыл поджарый лис. Глаза зверя горели желты-

ми пятаками, лапы были чуть согнуты, будто готовые вот-вот сорваться с места, пышный хвост прижимался к телу. Правое ухо лиса было заметно короче левого: вероятно, когда-то давно зверь повредил его в схватке.

– Ах ты бандит, – пожурил Виктор, с улыбкой разглядывая любопытного гостя. – Поживиться пришел?

Лис, наострив уши, внимательно посмотрел на человека, а затем резко повернул голову к лесу. Зверь заметно нервничал: тело его напряглось, хвост пуще прежнего поджался под лапы, а кончик носа задергался, принюхиваясь.

– Ты чего? – Виктор с удивлением наблюдал за реакцией лиса.

Там, во мраке вековых зарослей, таилось нечто, что пугало зверя больше, чем человек с ружьем.

– Медведь, что ли? – прошептал Виктор.

Лис, таращась в сторону ельника, дрожал и пятился ближе к Виктору. Всем видом зверь давал понять, что в чащобе таится нечто опасное. И это нечто не издавало ни единого звука – во всяком случае из тех, что могло засесть человеческое ухо.

Виктор осветил в густую тьму, приставив фонарик к карабину. Луч пробежал по частоколу елей, но не выхватил крупного зверя и никого не вспугнул: в ответ не раздался треск ломаемых веток или ворчание, характерное для потревоженных медведей.

Виктор направил свет на старый пенёк, возле которого на-

вострился лис, но рыжий гость уже исчез. Виктор постоял еще немного на крыльце, всматриваясь во мрак, застывший среди деревьев. Оттуда не доносилось ни звука, и казалось, будто сама природа замерла в напряжении.

Виктор покачал головой и вернулся в дом.

* * *

Утро выдалось прохладным и ясным. Наскоро позавтракав бутербродами с кофе, Виктор собрал в рюкзак фотоловушки и направился в лес.

Солнечные лучи, пронзая кроны, рассекали прозрачный воздух. Вокруг царила необычная тишина: ни пения птиц, ни шума ветра, ни шуршания мелкого зверья в густых зарослях. Виктор поежился. Казалось, он был единственным живым существом в мире, где все застыло словно на фотографии в оттенках сепии.

Вскоре Виктор вышел на опушку леса. Впереди через овраг раскинулась небольшая поляна – излюбленное место охоты лисиц. Виктор выбрал несколько подходящих по диаметру сосен и прикрепил к ним ремнями фотоловушки – приборчики с толстыми антеннами и объективами, утопленными в противоударных корпусах цвета хаки. Еще одну камеру он собирался пристроить на трухлявом пне, который торчал у края прогалины. Виктор направился к нему, как вдруг застыл и тихо улегся в высокой траве: вдалеке, среди

сосен, мелькнуло рыжим.

Он достал бинокль и всмотрелся. На поляну выскочили три огненных шарика. Лисята прыгали, кувыркались, кусали друг друга за шеи и уши. Следом показалась изящная лисица. Она внимательно наблюдала за играми щенят, настороженно водила ушами, тянула носом воздух. Безветрие было сообщником Виктора: лисы не могли учуять человека, и он беспрепятственно следил за ними.

Лисята неуклюже кувыркались, кусались, играли в догонялки. Один из зверят в запале игры так отчаянно убежал от своих братьев, что со всей дури врезался в пень. Виктор не удержался от улыбки. Вскоре он увидел в бинокль, как на поляне появился взрослый лис с огрызком правого уха.

– Бандит, – прошептал Виктор, узнав ночного визитера.

Лис спокойно подошел к щенку, с ошарашенной мордой сидящему у пня, цапнул его за шкуру и оттащил к матери и братьям. Выпустив из пасти неуклюжего отпрыска, Бандит напрягся, наострил уши – и повернул голову в сторону Виктора.

Он убрал бинокль. Глаза человека и лиса встретились. Несколько секунд Бандит оценивающе рассматривал Виктора, затем твякнул и бросился прочь, уводя за собой семейство. Мелькнув рыжими молниями, лисиное семейство исчезло в подлеске.

Виктор поднялся, опустил взгляд – и дернулся от испуга: пень, возле которого он лежал, кишел змеями. Мясистые,

блестевшие на солнце гадюки переплелись в клубок и бесшумно скользили друг по другу свинцовыми телами с бурными зигзагами на спинах. Сколько их было – Виктор разобратить не мог. Он содрогнулся от инстинктивного отвращения и поспешил покинуть поляну.

* * *

К вечеру Виктор вернулся на кордон. За день он расставил по лесу еще несколько фотоловушек, выбирая места, где лисы любили рыть норы: склоны холмов, овраги, лощины.

Стемнело, похолодало. Виктор завел генератор, растопил печь, достал рацию. Время связаться с базой.

– Берлинг, я засекаю несколько лисиц, – сообщил Виктор, когда старший инспектор заповедника поприветствовал его сквозь треск помех. – Семейная пара с тремя щенками не старше четырех месяцев.

– И как они?

– Взрослые особи ведут себя настороженно. Ночью на кордон приходил лис, хотел поживиться едой, но потом испуганно смотрел в сторону леса. Возможно, медведя почуял, но я его не обнаружил.

– Виктор, в лес ходи с ружьем. И фальшфейер бери, мишки их боятся, – посоветовал Берлинг, а затем после короткой паузы добавил взволнованным голосом: – Я тут это... Поговорил с Капорским. Он рассказал про Лину. Виктор, я даже

не знал, что такое горе случилось.

– Да, все произошло очень быстро, – тихо ответил он, чувствуя, как напряглись желваки и нервно дрогнули губы.

– Прими мои соболезнования, – голос Берлинга тонул в шорохе эфира. – Наверное, мне не стоило вызывать тебя в заповедник. Всего две недели прошло...

– Мне все равно нужно отвлечься. – Виктор подошел к столу, где лежал ноутбук. – Антон, давай закругляться, у меня еще дел полно. Я расставил фотоловушки и надеюсь уже сегодня вечером понаблюдать за лисами.

Попрощавшись со старым другом, Виктор сел за стол и открыл ноутбук. Подсоединил к нему спутниковый телефон. Пощелкал по клавиатуре, настраивая программу. На экране раскрылся десяток окошек – изображения с фотоловушек в режиме реального времени. Полянки, овраги, бесчисленные кусты и деревья. В лесу заметно стемнело, и камеры перешли в режим ночной съемки: изображения выглядели монохромными, в серо-зеленой гамме. С помощью встроенных GSM-модулей снимки один за другим поступали на ноутбук, и каждые тридцать секунд застывшие изображения сменялись на новые, позволяя отслеживать жизнь леса в прямом эфире.

Снимки в очередной раз обновились, и в одном из окон появился старый знакомый: лис Бандит крался куда-то на согнутых лапах, с вытянутым хвостом и наостренными ушами. Виктор развернул окно на весь экран, взял ручку с тет-

радю и принялся следить за действиями зверя.

Изображение сменилось: теперь Бандит подбирался к фотоловушке, установленной на пне. Глаза зверя, отсвечивая зеленым, жадно рассматривали невиданный доселе предмет.

– Ну ты и любопытный, – усмехнулся Виктор, делая пометки в журнале наблюдений.

Смена изображения. На застывшем кадре лис настороженно глядел куда-то вправо. Пасть приоткрыта в оскале, уши прижаты к голове. Виктор наклонился ближе к экрану, пытаясь рассмотреть, что же так встревожило Бандита.

Смена изображения. Лис пятится прочь из поля видимости камеры. Оскалив морду и поджав хвост, он не сводил глаз с некой опасности, оставшейся за кадром.

Виктор вывел на монитор трансляции с других фотоловушек. Он нашел камеру, установленную на дереве у поляны – как раз напротив того места, куда смотрел Бандит, – и развернул изображение на весь экран.

Прогалина. Чуть поодаль – частокол сосен и темные бугры раakitника. И больше ничего.

Изображение сменилось, и Виктор припал к экрану. У края поляны, среди деревьев проглядывался силуэт человека. Черная высокая фигура с опущенными руками и чуть склоненной к плечам косматой головой. Лицо с густой бородой скрывалось во мраке, лишь только светящиеся угольки глаз, впериwшись в объектив фотоловушки, прожигали насквозь расстояние между лесом и ноутбуком.

Впивались в Виктора.

Экран мигнул, и Виктор от неожиданности содрогнулся. Загружался следующий кадр: снова поляна, сосны, кусты. Силуэт человека исчез. Виктор откинулся на спинку стула и потер глаза. Затем вновь наклонился к экрану, пытаясь разглядеть хоть что-то во мраке леса. Взгляд его опустился ниже, к поляне.

Черные волнистые линии избородили прогалину. Змеи. Десятки змей. Пресмыкающиеся ползли от леса в сторону фотоловушки.

Изображение сменилось. Полчище змей приближалось к объективу, и можно было разглядеть зигзагообразные узоры на темных телах.

Гадюки.

– Что за черт? – прошептал Виктор, не сводя глаз с экрана. – Откуда вас столько?

Когда картинка в очередной раз обновилась, поток змей схлынул: они исчезли так же внезапно, как и появились, оставив после себя привычный пейзаж – поляну, сосны и кусты. Виктор проверил изображения с других фотоловушек, но кроме застывшей в ночи растительности ничего другого не обнаружил.

Он потер лицо, сгоняя усталость. Выключил ноутбук и лег в постель. Прикрыл глаза – и снова открыл, уставившись в потолок. Сон не нашел. Виктор нагнулся к рюкзаку и вытянул фотографию Лины. Он внимательно рассматривал сни-

мок дочери, словно пытаясь запомнить каждую деталь лица. Губы его дрогнули, глаза часто заморгали, но Виктор сдержался, не заплакал. Отложил фотографию, глубоко вздохнул и погасил свет.

* * *

Шорох. Шелест. Шипение.

Виктор выпрямился в кровати и схватил фонарь. Опять этот звук откуда-то снизу, у двери. Виктор направил луч, но, как и прошлой ночью, не увидел ничего кроме обшарпанного пола. По дому растеклась густая тишина, нарушаемая лишь частым дыханием самого Виктора.

Он обвел фонарем комнату. Луч скользил по шкафам, ящикам, столу. Свет коснулся окна, и в его проеме мелькнуло бледное пятно. Виктор успел заметить густую бороду, космы волос – и злые угольки глаз. В следующее мгновение костлявое лицо исчезло.

Виктор вскочил с кровати и, схватив карабин, выбежал из домика.

– Эй, а ну стой! – крикнул он во мрак.

Виктор завернул за угол дома, но там никого не оказалось. У стены возле окна притулились бочки и груда старого хлама. Было непонятно, как незванный гость смог настолько близко подойти к окну, ничего не задев и не опрокинув.

Виктор обвел фонарем территорию кордона: ни души.

Косматый человек скрылся в лесу. Зоолог выругался сквозь зубы и вернулся в дом.

* * *

На следующее утро Виктор первым делом связался с базой.

– Берлинг, что за ерунда здесь творится? – выпалил он, едва сдерживая раздражение.

– Ты у меня спрашиваешь? – поддел Берлинг. – Что там у тебя?

– В лесу кто-то бродит. Человек. Вторую ночь он подходит к кордону, вчера я засек его на фотоловушке. Ты же говорил, что чужаки сюда не проберутся?

– Верно. Въезд в заповедник мы полностью контролируем с наших кордонов.

– Может, местные? Здесь есть какие-нибудь поселения?

– Твой кордон находится в самой глухой части заповедника, до ближайших обитаемых хуторов – сотни километров по непролазному лесу. Да ты и сам прекрасно знаешь, что местные в заповедник не суются. Слишком строгий охраняемый режим, проблемы с законом никому не нужны.

– Обитаемых? Значит, есть и заброшенные?

Берлинг на мгновение замолчал, словно что-то вспоминая. Наконец, из рации протрещал его голос:

– Недалеко от твоего кордона раньше находился хутор Хи-

льяхйнен. Но он уже лет сорок пустует – с тех пор, как запретили сплав леса по Лунте. Местные покинули Хильяхйнен, там никто не живет. Хутор даже на новых картах перестали отмечать.

Вздыхнув, Виктор подошел к окну. Моросил дождь. На столе дымилась кружка с кофе.

– Еще вопрос, – сказал Виктор, включая ноутбук. – Вы не замечали ничего странного в поведении гадюк?

– Ребята говорили, что их побольше стало в районе твоего кордона, но такое иногда случается, лето ведь жарким было. А что с ними не так?

– Слишком активные и явно чем-то встревоженные.

– Им же в спячку впадать пора, – удивился инспектор.

– Вот именно. Ладно, Берлинг, мне пора. Лисы ждать не будут, пока я с тобой наговорюсь.

Отключив рацию, Виктор запустил на ноутбуке трансляции с фотоловушек. Но вместо изображений леса, полян и оврагов на него уставились сплошные черные кадры, будто кто-то занавесил объективы... или попросту сломал их.

– Что за черт? – Виктор стукнул по монитору, проверил соединение спутникового телефона с ноутбуком, но ничего не изменилось: камеры транслировали черноту.

* * *

Наспех покидав в рюкзак запасные фотоловушки и при-

хватив карабин с фальшфейером, Виктор зашагал в лес. Под ногами чавкали мох и жухлая листва, влажная дымка окутывала заросли бузины и крушины. Утром прошел дождь и смыл все то, что некогда было зеленым: лес казался тусклым и безжизненным, и лишь вкрапления киновари и багрянца придавали ему траурную торжественность.

Виктор выбрался к поляне, где вчера установил на раскошемся пне фотоловушку. Объектив камеры оказался расколотым: кто-то его разбил. Виктор вытащил фотоловушку и задумчиво повертел ее в руках.

Справа что-то мелькнуло. Виктор взгляделся: бесконечные ряды сосен уходили вдаль, рябили перед глазами, сливались в монотонный частокол. Виктор вернулся было к осмотру фотоловушки, как вдруг опять засек движение в десятке метров от себя: среди стволов скользнула фигурка в сиреновом платье.

– Лина? – выдохнул Виктор, не веря своим глазам.

Девочка задорно рассмеялась – и бросилась прочь, скрываясь в галерее древесных колонн. Виктор, скинув секундное оцепенение, рванул следом. Он лавировал между сосен, перепрыгивал через коряги и поваленные стволы, стараясь не упустить из вида Лину. Сиреневое платье мелькало впереди промеж деревьев, как вдруг исчезло.

Исчезли и сосны.

Виктор выскочил на прогалину – и замер от шока. Кроваво-рыжими комками на поляне сгрудились трупы лисиц.

Взрослая особь валялась со свернутой шеей, в раскрытой пасти чернел распухший язык, лапы и туловище пестрели ранами с разодранными краями. Рядом с лисицей покоились трое детенышей. Пустые глазницы со следами спекшейся крови, оторванные уши, вывихнутые лапки.

Виктор сглотнул и скривился, стараясь подавить тошноту. Обвел взглядом прогалину и лес вокруг: ни следа сиреневого платья.

– Лина! – крикнул Виктор и прислушался.

Тишину разрезал визг. Истошный, протяжный, животный. Звук исходил справа, со стороны сосняка, и Виктор кинулся к источнику шума, на ходу снимая с плеча карабин.

В нескольких метрах от поляны, у опушки леса, на жухлой траве кувыркался клубок из жирных черных змей. Гадюки тугими канатами сжимали тело лиса, который крутился на месте, пытаясь сбросить гадов. Сквозь их сплетенные масляные тела проглядывала голова зверя с оскаленной пастью и оторванным правым ухом. Бандит визжал – змеи его жалили – и кусался в ответ, клацая зубами, но было видно, что силы его на исходе: полчище гадов превосходило количеством и силой.

Виктор на мгновение оторопел. Он никогда не слышал, чтобы гадюки организованным кублом нападали на животных. Виктор нацелил карабин на катающийся по траве ком, но передумал и опустил оружие: выстрелом он мог поранить Бандита. Виктор выхватил из кармана фальшфейер и дер-

нул шнур. Из тонкого цилиндра, разбрызгивая искры, с гулом вырвалось красное пламя. Виктор бросил фальшфейер в клубок змей.

Гадюки, яростно зашипев, схлынули с лиса: не менее дюжины гадов, извиваясь, скрылись в траве и листве. На полянке распластался израненный, растрепанный Бандит. Рядом, догорая, дымился фальшфейер. Лис мутным взглядом посмотрел на Виктора. Левый глаз заплыл и опух.

Виктор шагнул к зверю, но Бандит поднялся, посторонился и, поджав хвост и уши, на шатающихся лапах засеменял к трупам лисицы и щенков. Зверь обнюхивал, тыкал носом, лизал тушки сородичей. Фырчал и тьявкал, словно умоляя их подняться.

Виктор покачал головой и отвел взгляд, оставляя Бандита наедине с погибшей семьей.

* * *

Кордон будто замер в ожидании Виктора: ни ветра, ни звука. Сизая мгlistая дымка заволокла домик и хозяйственные постройки. Со смурого неба опускался вечер.

Виктор вытащил из рюкзака запасные фотоловушки и закрепил их по территории кордона – на дровнике и бане, на ржавых бочках, раскиданных по периметру, и на крыльце домика. Весь форпост оказался под прицелом объективов.

– Теперь никто не проскочит. – Потер руки Виктор.

Он вернулся в домик, зажег лампу и вывел изображения с камер на ноутбук. За то время, что он потратил на установку фотоловушек, заметно стемнело: тьма прокралась на кордон. Но все было спокойно, и Виктор взялся за рацию. Помедлил. Наконец, нажал на кнопку. Из динамика зашипело, затрещало.

– База, это Виктор Кантор, – произнес он. – База, прием! Берлинг, ты слышишь меня?

– Да. – Тихий голос в ответ.

Виктор откинулся на спинку стула, прикрыв глаза.

– Антон, наверное, ты был прав. Мне не стоило так рано возвращаться к работе. Даже не знаю, зачем я все это говорю... – Виктор замолчал, но, не дождавшись ответа, продолжил торопливо: – Лина умерла две недели назад. Сгорела моментально, я даже ничего понять не успел. Я думал, что смогу отвлечься, но один здесь не справлюсь. Что-то странное творится, Антон. Змеи как будто с ума сошли, и в лесу кто-то...

Он осекся. Пауза на том конце радиоэфира затянулась.

– Берлинг, ты там?

Из рации прошелестел искаженный помехами тонкий голос:

– Папа, папочка.

Виктор вскочил со стула.

– Что?! – прокричал он в рацию. – Что ты сказал?!

– Папочка, – повторил девичий голосок. – Папочка, еще

не поздно. Папочка, верни меня.

Задрожали руки. Виктор, как ошпаренный, отбросил на пол рацию и с ужасом уставился на нее. Из динамика разносилось монотонное шипение, оно заполняло комнату и, казалось, вытесняло собою воздух. Виктор часто задышал, схватился за спинку стула.

С кордона раздался короткий звонкий вскрик. Виктор дернулся – не столько от испуга, сколько от удивления: он знал, кто издает такие звуки. Виктор кинул взгляд на экран ноутбука: фотоловушка, установленная на крыльце, зафиксировала Бандита.

Виктор с карабином в руках вышел на крыльцо. Лис, чуть склонив голову и прижав уши, пошатывался посреди двора и наблюдал за человеком единственным глазом. Второй затек и покрылся засохшей бурой коркой. Белая грудка зверя пестрела рваными ранами, лапы распухли от укусов змей, ободранный хвост жался к туловищу. Вдруг лис резко обернулся к лесу.

– Кто там, Бандит? – прошептал Виктор, нацелив карабин во мрак.

Лис звонко вскрикнул, предупреждая человека о невидимой угрозе, и проковылял в ближайшие кусты. Виктор обвел стволом двор, но ничего не заметил. У границы кордона щетинились ели и темнели заросли волчегодника. Было так тихо, будто сам древний лес застыл в ожидании развязки.

Виктор шумно сглотнул, тряхнул головой и вернулся в до-

мик. Закрыв на засов дверь, он подошел к ноутбуку. Трансляции с фотоловушек перешли в режим ночного видения, и территория кордона просматривалась гораздо лучше, чем если бы Виктор стоял на крыльце с фонариком. Виктор склонился к монитору.

Изображения мигнули – кадры обновились. В одном из окон появилась новая деталь: черные ленты на земле у самой границы кордона с лесом. Картинка поступала с фотоловушки, установленной на крыльце дома, и Виктор развернул изображение на весь экран, чтобы лучше его рассмотреть.

Смена кадра: десятки змей ползли из леса к домику.

Виктор оторопел. Он вывел на экран трансляции с других камер. Та же картина: со всех сторон к кордону из зарослей вились черные ленты змей.

Сотни.

Тысячи.

Изображения обновились: гадюки заполонили двор, исчертили его мясистыми телами, под которыми едва просматривалась утоптанная земля.

Кадры вновь сменились, и Виктор в испуге отпрянул от экрана. У края кордона выросла фигура высокого бородача в лохмотьях. Змеи волнами стелились у ног великана. Косматый исподлобья смотрел прямо в камеру, пожирая ее взглядом глаз-угольков.

Виктор схватил карабин и наставил его на входную дверь, краем глаза поглядывая на монитор в ожидании новых кад-

ров.

На полу шипела рация. Стучало сердце. Вырывалось дыхание.

Изображение сменилось: косматый приблизился, теперь он высился на дворе почти у самого домика. У ног его бурлили черные потоки змей. Виктор всмотрелся – и замер в шоке: великан висел в воздухе. Голые ступни не касались земли.

Мрак проглотил комнату: погасла лампа, вырубился ноутбук. Виктор, правой рукой нацелив карабин на дверь, левой шарил по столу в поисках фонарика.

Все так же шипела рация. Так же – или по-другому? Звук стал более плотным. Объемным. Всепоглощающим.

Наконец, Виктор нащупал фонарь, включил его – и заорал от ужаса.

Пол, стены, шкафы, ящики – все покрывали змеи. Словно толстые канаты, они блестели в свете фонаря, извивались, крутились, сворачивались в клубки. Шипели. Казалось, что комната вибрирует, подчиняясь движениям рептилий.

Змея свалилась с потолка на плечи Виктора, и он с испуганным вскриком стряхнул скользкую тварь. С жирным шлепком она шмякнулась на пол и скользнула в бурлящие потоки своих сородичей, окруживших Виктора на маленьком пяточке.

Он посветил вверх. Луч выхватил фигуру в рваном тряпье, застывшую в углу, словно гигантский паук. Раскинутые руки и ноги великана вцепились в потолок, а голова со сви-

сающими бородой и космами вывернулась неестественным образом – будто шея сломана. Глаза вперились в Виктора, улыбка разрезала костлявое лицо. С конечностей свисали жирные змеи.

Виктор пальнул из карабина. Комнату озарила вспышка, грохот выстрела заглушил шипение. Виктор пошарил фонарем по потолку, но косматый исчез. Упал на пол?

Луч фонарика скользнул вниз, но выхватил лишь змей: они опутали ноги Виктора. Страхнув гадов с сапог, он бросился к двери.

Виктор выскочил на крыльцо. Гадюки свисали с крыши, обвивали перила, извивались на ступенях. Двор утопал в черном море рептилий, и только в одном месте, правее дровника, к лесу вела тонкая полоса земли, незанятая гадами.

Змеи, ползавшие на дощатом полу крыльца, с шипением набросились на ноги, вцепились в болотники. Виктор отбил их прикладом карабина, но гибкие твари не отступали и продолжали делать опасные выпады. Он пальнул по ним несколько раз – ошметки рептилий разлетелись в стороны – и кинулся к полоске земли, свободной от змей.

Виктор несся по лесу, едва разбирая дорогу в кромешной тьме. Лицо хлестали ветви, ноги то и дело спотыкались о кочки с корягами, но ничто не могло остановить его на пути к цели – берегу Лунты, где ждала лодка.

Резко кончился лес, земля ушла из-под ног, и Виктор, неловко взмахнув руками и выронив ружье, покатился в

овраг.

Ложбина кишела змеями. Упругие гады опутали Виктора, обвили руки и ноги, сдавили тугими жгутами шею и голову. Он вырывался, пытался кричать... пока скользкая тьма не поглотила его целиком.

* * *

Виктор очнулся. На лицо, покалывая кожу, падал снег. Наступило утро: серое, зябкое, хмурое. Виктор, пошатываясь, поднялся. Он находился посреди широкого луга, окруженного массивными зарослями елей. Как он здесь оказался? Где овраг, в который он свалился?

Жухлая трава, заиндевав, похрустывала под сапогами. Ни следа змей. Карабин тоже исчез. Виктор осмотрел руки, закатав рукава: бледная кожа без единого укуса. Расстегнул куртку, задрал телогрейку, осмотрел живот и грудь: только синяки – и никаких ран.

– Что за черт, – просипел Виктор.

Он обернулся. Метрах в двадцати от него, покачиваясь на слабых лапах, замер Бандит. Едва живой лис единственным глазом наблюдал за человеком.

– Ждал меня? – Виктор улыбнулся.

Лис развернулся и, прихрамывая, заковылял к ельнику. Каждый шаг Бандита отмечался алыми пятнами на снегу: зверь истекал кровью. Он остановился и оглянулся на Вик-

тора, словно приглашая человека следовать за ним вглубь зарослей. Вздохнув, Виктор покачал головой и побрел вслед за умирающим зверем.

* * *

Спустя пару часов Виктор, пробираясь за Бандитом сквозь густые заросли, выбрался к просеке, за которой виднелись почерневшие остовы хуторских домов. Человек и лис подошли ближе. Здания торчали из земли, словно гнилые зубы из рыхлых десен. Многие из них покосились, застыли с разрушенными крышами и выбитыми окнами. Другие были сожжены.

«Почтовое отделение. Хутор Хильяйнен», – сообщала выцветшая вывеска на одном из домов.

Хильяйнен. То самое заброшенное поселение, о котором рассказывал Берлинг.

Бандит ковылял по тропинке вдоль домов. Виктор следовал за лисом. В доме справа скрипнуло. Виктор замер и прислушался. Изба не отличалась от других: ветхое кособокое здание, осунувшееся под тяжестью прожитых лет. Внутри снова скрипнуло. Виктор посмотрел на Бандита: тот уселся поодаль и, тяжело дыша, вылизывал рану на лапе.

– Жди здесь, – приказал Виктор, направляясь в избу.

Дверь болталась на расшатанных петлях, и Виктор без труда ее открыл. Свет едва проникал с улицы. По дому рас-

творился полумрак, но даже он не мог сокрыть комья земли на половицах и клочья паутины в углах. Воздух был затхлым и плесневелым. Со стен, покрытых разбухшей от влаги краской, серыми пятнами взирали фотографии бывших жильцов – зловещая галерея из бородатых мужчин и женщин в платках. Суровые взгляды, сомкнутые губы, складки меж бровей – лики людей, давно ушедших в мир иной.

Виктор прошел в следующую комнату – и замер. У окна в кресле-качалке сидела старуха, закутанная в потертую шаль. Карга повернулась к Виктору, и кресло скрипнуло.

– Зря ты явился, – невнятно пробурчала старуха, обнажая черный провал на месте рта: у нее не было зубов.

Виктор скривился:

– Что вы делаете в заброшенном поселении?

Старуха будто его не услышала. Она изучала Виктора круглыми студенистыми глазками, напоминавшими рыбы. Бровей и ресниц не было. Морщинистое лицо стянули кривые рубцы – следы от давнего ожога.

– Теперь он *знает*, что ты близко, – прошамкала она.

Виктор сделал пару шагов вдоль стены, рассматривая черно-белые фотографии обитателей дома. Все те же серые лица без тени эмоций. Косматого среди них не обнаружилось.

– О ком вы говорите? – спросил Виктор. – О человеке, который приходил на кордон? Кто он такой?

Старуха отвернулась от Виктора и уставилась в заляпанное окно, за которым сумерки пожирали остатки дня. Где-то

там на улице остался Бандит, но его не было видно. Старуха качнулась в кресле.

Скрип-скрип. Скрип-скрип.

– Плохие дела творились испокон веков, – начала она. – Я родилась в Хильяйнене много лет назад, и с самого детства слышала рассказы о мороке, который нападает на людей в лесу. Жителей хутора преследовали страшные недуги. Однажды женщина родила клубок змей, а другую рвало гвоздями. Мой отец проснулся утром со сгнившими глазами. Страдали не только люди. Умирал скот. Коровы давали кровь вместо молока. Хворь и морок веками обитали в Хильяйнене. Никто не знал, почему так происходит.

Карга замолчала. Сухая рука скользнула под шаль и зашуршала там. Виктор подошел ближе. Словно зачарованный, он не сводил со старухи глаз, рассматривая рубцы на сморщенном лице. Наконец, она вытащила из глубин шали фотографию и протянула ее Виктору дрожащей рукой, испещренной следами от старых ожогов.

– Но однажды причина была найдена, – продолжила старуха. – Виной всему оказался колдун-морокун. Он жил в ельниках недалеко от Хильяйнена. Древний, как сам лес.

Виктор изучал фотографию. На пожелтевшем снимке застыл рослый, будто великан, мужчина в широких штанах и длинной рубахе, подпоясанной ремешком. Могучие плечи, окладистая борода, темные космы до плеч. Взгляд исподлобья – колючие глаза-угольки. Мужчина возвышался в лесу

среди елей, чуть поодаль в насыпи чернел провал – вход в землянку. Виктор перевернул снимок: «1897 год» – выцветшими чернилами значилось на обороте.

– Это его единственная фотокарточка, – промямлила старуха.

– Я видел его. – Виктор сглотнул. – Он совсем не изменился.

Старуха улыбнулась беззубым ртом.

– Ты видел не его. Ты видел морок.

Виктор удивленно уставился на каргу, ожидая объяснений.

– Мы называли его Владыкой змей, – просипела старуха. – Там, где были змеи, там был и он. Змеи – его проводники в мир людей. Колдун умел насылать морок и хвори.

– Зачем?

– Никто не знает. – Старуха пошевелила плечами. – Долгое время жители хутора ничего не могли с ним поделать, настолько он был могущественным и жестоким. Люди стали покидать эти места. В Хильяйнене остались лишь самые стойкие. Тогда они и заметили, что колдун начал слабеть. Возможно, он питался нашими силами. Нашим здоровьем. Когда людей и скота стало меньше, силы Владыки иссякли. Говорят, что колдуны и ведьмы умирают в страшных муках. Самые смелые жители решили этим воспользоваться. Они поймали Владыку и посадили его на железную цепь, как бешеного пса.

– Не проще ли было его убить?

– Смерть колдуна-морокуна навлекла бы проклятье на весь род. – Старуха посмотрела на Виктора с таким видом, будто разговаривала с несмышленным ребенком. – Владыка полностью истощил эти земли, и люди начали покидать родные места. Ушли из Хильяйнена. Некоторые сожгли свои дома, чтобы навсегда стереть память о хуторе.

– А вы? – с недоумением спросил Виктор. – Почему вы остались?

Губы старухи дрогнули. Из мутного глаза скользнула слеза, оставляя влажный след на заскорузлых ожогах.

– Потому что он меня вернул, – промолвила она. – Когда я была маленькой девочкой, я опрокинула на себя ведро с кипятком. Ожоги съели лицо и руки. Я выжила, но здоровье мое уже никогда не было прежним. Любая хворь цеплялась ко мне, я сильно и подолгу болела... Пока Владыка не вернул меня к жизни.

– Почему он это сделал? – Мой отец попросил его. Умолял вернуть дорогую доченьку Марту. Владыка исполнил просьбу отца, но взамен забрал у него глаза. Превратил их в гной. Мы уехали из Хильяйнена, я жила в городе, но однажды Владыка змей явился ко мне во сне. Приказал вернуться. Он спас меня, и теперь я была перед ним в вечном долгу. Я бросила семью и вернулась в Хильяйнен. Все эти годы ухаживала за Владыкой, кормила. Иногда он использовал меня. И все время просил отпустить, но я сопротивлялась. До сих пор

сопротивляюсь. Зло должно оставаться на привязи, даже если я навсегда в долгу перед ним.

– Он так и сидит на цепи? – поразился Виктор.

Марта кивнула. Она отвела взгляд от сумрака за окном и посмотрела на Виктора.

– Теперь ему нужен ты.

– Но почему? – Виктор повысил голос. – До меня в заповедник приезжали десятки ученых и инспекторов, никто из них не сталкивался со всей этой чертовщиной!

– Потому что ты для него особенный. – Старуха вперилась рыбьими глазками в Виктора. – Владыка чувствует твою боль. Даже на расстоянии. Такая боль – как запах крови для хищника. И поэтому он выманил тебя.

Виктор резко выдохнул и покачал головой, словно отгоняя услышанные слова.

– Падеж лисиц... – пробормотал он, осознавая правду. – Это была ловушка для меня... Он хотел, чтобы приехал именно я?

Марта прикрыла глаза: голые веки сомкнулись, делая ее похожей на мертвеца. Отвернулась к окну и качнулась в кресле.

– Ты попался на крючок.

Скрип-скрип.

* * *

Серые сумерки растеклись по Хильяйнену, превратив хутор в призрачные, словно сотканые из паутины, декорации из кошмарного сна. Виктор брел по тропе вдоль разрушенных домов. Бандит исчез, его нигде не было видно. Справа у остова сгоревшей избы мелькнуло сиреневое платье.

– Лина, стой! – выкрикнул Виктор и бросился к девочке.

Платьице исчезло за углом – так же быстро, как и появилось. Виктор, огибая гнилые доски и груды мусора, разбросанные по земле, завернул за дом. Лина бежала впереди метрах в пятидесяти, приближаясь к околице хутора: вдалеке в сумраке тонула покосившаяся изгородь. Виктор помчался следом по укрытой снегом лужайке, стараясь не упустить из виду сиреневое пятнышко.

Девочка вспорхнула над оградой – словно была невесомой – и сгинула в темных зарослях ельника. Тяжело дыша, Виктор подбежал к изгороди и, перепрыгнув через нее, бросился в царство елей. Он буравил колючее пространство, не обращая внимания на обжигающие удары веток по лицу и рукам. Впереди, ловко скользя между раскидистых елей, маячил силуэт в сиреновом платье. И как бы Виктор ни ускорял шаг, девочка все равно оставалась впереди – словно дразнила его, не давая ни малейшего шанса приблизиться.

Лес резко сменился: вместо елей выросли десятки, сотни покосившихся крестов – деревенское кладбище. Виктор сбавил шаг и, стараясь восстановить дыхание (изо рта вырывал-

ся пар), побрел вдоль рядов могил, заросших жухлой травой. Чуть поодаль, у одной из них, спиной к Виктору застыла девочка в сиреновом платье.

– Лина, – прошептал он. – Лина, не убегай.

Виктор сделал шаг – и девочка исчезла, словно растворилась в воздухе. Он тяжело задышал. Согнулся пополам, уперев руки в колени. Сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, – и снова посмотрел на могилу, где мгновение назад стояла девочка. Но ее там не было. Виктор огляделся: ни следа сиренового платья. Немного помешкав, он подошел к могиле.

В земле, едва припорошенной снегом, черным провалом зияла разрытая могила. Виктор, вытянув шею, заглянул внутрь – и отскочил как ошпаренный: могила кишела змеями. Жирные гады, поблескивая глянцевыми спинами, скользили друг по другу и грозно шипели.

Виктор посмотрел на памятник возле могилы. «Марта Латту. 1919 – 1932» – гласила полустертая надпись на сером камне. Рядом белел овал фотографии: девочка лет тринадцати с изуродованным ожогом лицом и глазками, похожими на рыбы.

– Какого черта? – только и смог вымолвить Виктор, разглядывая детскую фотографию старухи из Хильяйнена.

Наклонив голову, он постоял еще немного, пытаясь осознать увиденное. И только лишь спустя некоторое время, глядя себе под ноги, Виктор заметил темные капли на снегу.

Он присел и дотронулся до них. Кровь. Цепочка багровых пятен уходила за территорию кладбища, в густой ельник.

* * *

Ступая вдоль капель на снегу, Виктор пробирался сквозь заросли елей. Вскоре пятна вывели его к пролеску. Кровавая цепочка заканчивалась возле распластанного на земле Бандита. Виктор приблизился к лису. Зверь не дышал, шерсть его заиндевела. Из пасти вывалился иссиня-черный язык, остекленевшие глаза уставились куда-то вдаль, словно лис до последнего вздоха не сводил взгляда со своей цели.

Виктор посмотрел в ту сторону, куда направлялся лис: на опушке горбилась насыпь с темным провалом посередине, сзади возвышались могучие силуэты елей. Знакомая картина: то же самое Виктор видел на фотографии с колдуном, которую показывала ему старая Марта.

Виктор, помешкав, направился к зиявшей дыре. Ему пришлось согнуться, чтобы пройти в жилище Владыки змей. Опасливо озираясь, Виктор продвигался по короткому туннелю, вырытому в земле. На влажных стенах блестели жирные слизняки. Спертый воздух вонял гнилью, и Виктор, подавляя рвотные позывы, прикрыл нос рукой.

Еще пара шагов – и своды тоннеля раздвинулись, открывая внутреннее пространство землянки. Подземная нора тонула в полумраке: тусклый свет масляной лампы, висевшей

под потолком, дрожал по стенам. Но полу разлагались зловонные туши полевок, зайцев и лисиц. В углу, в сгущенной тьме, угадывалась сгорбленная фигура, возле которой извивались клубки шипящих змей.

– Не бойся, – проскрежетал голос из угла. – Они не кусаются.

Фигура шевельнулась, выдвигаясь ближе к свету лампы. Залязгали цепи. Мгновение спустя Владыка змей явил себя Виктору.

Дряхлый старик, опираясь ладонями о землю, стоял на коленях – словно зверь. На его куриной шее болтался железный ошейник, от которого в сторону крюка, вбитого в каменный пол, уходила массивная цепь. Костлявое тело белело сквозь рваное рубище, служившее одеждой. Конечности колдуна походили на сломанные палки с развешанным тряпьем: дряблая кожа свисала с тощих руки и ног, суставы распухли и выпирали буграми. Одна половина черепа облысела: сквозь проплешины просматривались сочащиеся гноем язвы. С другой половины свисали седые с колтунами космы, доходившие до самого пола. Такой же длинной была нечесаная борода.

В изможденном старике едва угадывался грозный великан, которого Виктор видел на фотографии Марты или в домике на кордоне. Его тело могло измениться, но глаза остались прежними – жгучие угольки, пронзающие насквозь.

Колдун закашлялся, и на сухих губах блеснули капли кро-

ви. Он разлагался. Умирал заживо.

– Где девочка, которую я видел? – спросил Виктор, с отращением глядя на старика.

– Ты знаешь, где она. – Владыка змей обнажил желтые, изъеденные гнилью зубы. – Она мертва.

– Но я видел ее! – вспыхнул Виктор.

– Ты видел то, что я заставил тебя видеть, – просипел колдун.

Виктор шумно выдохнул. На щеках вздулись желваки. Свет от лампы прыгал по стенам, отражался в глянцевой чешуе змей, клубившихся у ног колдуна.

– Это был морок, о котором говорила старуха? – выдавил Виктор. – Как ты это сделал?

– Твоя боль была настолько сильной, что я почувствовал ее на огромном расстоянии. – Владыка осклабился. – От тебя несло ужасом. Я чуть не захлебнулся в нем. Расскажи мне, как умерла Лина?

Лицо Виктора нервно дернулось. Колдун захихикал. Поднялся с колен и уселся по-турецки: хрустнули суставы, на грязных ногах показались язвы.

– Не хочешь? Тогда я сам расскажу, – ухмыльнулся Владыка. – Я стал принюхиваться к твоему горю. Изучать его. Смаковать. Эта боль была мне знакома. Я знал, что скорбеть так сильно может только отец, потерявший единственного ребенка. Но кроме горя от тебя воняло лисами. Принюхавшись, я нашел твой старый след в заповеднике. Я понял, чем

ты занимаешься. Пришлось перебить чертовых лис, чтобы заманить тебя в древний лес.

Из бороды старика выскользнула змея. Сверкая языком, она перекинулась через плечо и заползла за шиворот. Колдун почесал спинку твари скрюченным ногтем, и она скрылась в складках тряпья. Виктор с отвращением скривился.

– Зачем? – спросил он. – Что тебе надо?

– Ты столкнулся со зверем куда более опасным, чем все те хищники, которых изучал, – протянул Владыка, прожигая взглядом Виктора. – Рак сожрал твою дочь. Так быстро, что ты ничего не успел осознать. И до сих пор не смирился. Мне страшно представить, как сильно она мучилась. Бедняжка.

Виктор быстро сморгнул: на глаза навернулись слезы. Подойдя ближе, он встал на одно колено напротив старика. Сжал кулаки. Вперился взглядом. Змеи зашипели у ног, но Виктор не обращал на них внимания.

– Заткнись или я тебя придушу, – процедил он.

Колдун пожал костлявыми плечами:

– В таком случае я не смогу вернуть Лину.

Виктор отпрянул, изумленно взглянув на Владыку.

– Ты же видел, на что я способен, – улыбнулся колдун, и из пасти его пахнуло гнилью. – Я вернул из мертвых Марту. Ее отец валялся у меня в ногах, умоляя ее воскресить. За это ему пришлось расплатиться своими глазами, но зато Марта до сих пор жива и здоровствует.

– Ты больной псих, – выдохнул Виктор. – Лина мертва!

Никто и ничто ей не поможет!

– Еще не поздно ее вернуть. – Колдун наклонился ближе, и ошейник впился ему в кожу. – Ее тело еще не сгнило в могиле. Но время на исходе. Мы должны поторопиться.

– Мы? – удивился Виктор.

Владыка ощерился:

– Взамен ты должен меня освободить. Снять с цепи.

– Почему я? – Виктор сглотнул. – Почему не Марта?

– Потому что она не хочет. – Колдун заскрежетал зубами. – Эта сука только харчи мне носит да дерьмо выгребает из ямы, но никогда не отпустит меня. Ждет, когда я сдохну!

Он дернулся, и цепь с лязгом натянулась.

– Видишь, что они со мной сделали?! – прорычал он, ухватившись за ошейник. – Посадили на цепь, как бешеного пса! Надеялись, что я сгнию заживо. Сдохну в этой дыре!

– Они были правы, – в голосе Виктора скользило отвращение. – Тебе здесь самое место.

Колдун вдруг обмяк. Он устало откинулся на стену, и мрак укрыл его смрадное тело.

– Отпусти меня, – прошептал Владыка, – и я верну тебе Лину. Вы снова будете вместе. Еще не поздно ее воскресить. Ты же помнишь ее смех? Звонкий. Я слышал его в твоих снах. Она сможет снова смеяться.

Сжав челюсти, Виктор опустил голову. Дрожали руки. Он вытер слезы и посмотрел на Владыку.

– Докажи мне. Докажи, на что способен.

* * *

С наступлением утра серая пелена затянула небо над заповедником, туман укутал деревья, и над рекой повисла дымка. Рокот разрушил летаргический сон заповедника: по Лунте шла лодка.

На корме, сжав рукоятку мотора, застыл Виктор. Остекленевшим взглядом он смотрел вдаль – туда, где ржавый лес встречался с облаками над излучиной реки. Возможно, он поступил правильно. Возможно, совершил ошибку. В любом случае, назад дороги не было, и ответ он узнает уже совсем скоро.

У ног Виктора расположился Бандит. Подрагивая от шума мотора, лис вылизывал раны на шкуре. Шерсть его сваллась, сам он словно истончился, но он снова был жив, и Виктор чувствовал тепло, исходившее от зверя.

На носу лодки сидел Владыка змей. Черные гадюки, будто чудовищные ожерелья, обвивали тощее, укутанное в тряпье тело, и копошились в ногах, но колдун не обращал на них внимания. Ветер трепал его волосы и бороду. Владыка зажмурил глаза-угольки. Довольно оскалился.

Он свободен.